

ВЫБОР • ПРАВО • ВЛАСТЬ • АРГУМЕНТ
CHOICE • LAW • POWER • ARGUMENT

СТАТЬИ / ARTICLES

СОФИСТИКА – ЭТО НЕ АРГУМЕНТАЦИЯ

Е. Н. ЛИСАНИЮК

Санкт-Петербургский государственный университет

elenalisanyuk@gmail.com

ELENA LISANYUK

St. Petersburg State University, Russia

SOPHISTIC VS ARGUMENTATION: THE WAYS OF DEMARCATION

ABSTRACT: In the paper contemporary approaches to argumentation are compared with a number of ways of understanding sophistic including ancient, medieval and contemporary ‘faces’ of the latter. It is argued that the current stage is characterized by a negative evaluative understanding of sophistic which is taken mostly as sophistry. In the paper, I also show how these different approaches to sophistic such as (1) illegitimate argumentation, (2) particular illegitimate arguments and (3) scholastic method of formulating and solving tasks grow out of its ancient and medieval historical forms, found in Aristotle, Plato, the Sophists and the Medieval thinkers. To illustrate this distinction I use a medieval sophism combined with a famous ancient anecdote. The distinction between three contemporary approaches which is set forward in the paper is based on semantic, procedural, pragmatic, communicative and speech-oriented criteria, and develops logical and cognitive approaches to argumentation.

KEYWORDS: sophistic, argumentation, discussion, illegitimate argument, Protagoras, Euathlus, sophismata

*Исследование поддержано РГНФ, проект № 11-03-00601а.

1. Предварительные замечания

«Это софистика», – говорят о заумно-путаном споре, когда из-за сложной аргументации не вполне ясно, в чем собственно состоит несогласие и каковы

мнения сторон. Назвать дискуссию софистической обычно означает оценить ее негативно, однако не в силу эмоциональной неприемлемости самой дискуссии или позиций ее участников, но по причине, что в ней подозревают наличие нелегитимных действий, сознательно направленных на введение в заблуждение или дискредитацию другой стороны. Соответственно, софистом считают того, кто замечен в преднамеренном использовании нелегитимных приемов, а также того, чьи доводы чрезмерно сложны для понимания другими участниками или соединены в аргументации непонятным для них образом.

Негативный ассоциативный ряд за словом «софистика» тянется с античных времен. Аристотель, обвиняя в этом некоторых учителей красноречия, усматривал основной недостаток софистики в том, что эффективные приемы рассуждения могут быть использованы бездумно, вне осознания ключевых принципов и целей рационального познания: «Обучение ими учеников было быстрым, но неумелым. Ибо они полагали, что можно обучать, передавая ученикам не само искусство, а то, что получено искусством» (Аристотель, *О софистических опровержениях* 34, 184a5, пер. М. И. Иткина).

Таковы в общих чертах античная и современная позиции в отношении софистики и софистов, которые во многом видятся близкими друг другу. На противоположном полюсе – вырастающая из античной средневековая традиция изучения и использования аргументов в форме софизмов (*sophismata*), представляющая собой совокупность педагогических и исследовательских методов и одновременно устоявшийся жанр научного трактата – сборника задач, поначалу логических, затем также и математических. Средневековый софизм – это сложный вопрос, проблема, требующая обсуждения, обдумывания и решения.

Выделим основные подходы к тому, что может считаться софистикой, или «лица» софистики:

1. Коммуникативный, где софистическим может быть тип дискуссии, допускающий неправомерные действия (Герасимова 2007, 135).
2. Процедурный, или совокупность приемов ведения дискуссии, включающая неправомерные действия (Лисанюк 2010, 615–620).
3. Эпистемологический, где софизм есть сложная познавательная задача; он же – жанровый (Read 1993, Hughes 1982, 7).
4. (Социально-) оценочный, или разновидность когнитивной оценки некоторой деятельности.

Последний подход явным образом является социальным следствием, по крайней мере, одного из первых трех. Первые два подхода недвусмысленно увязывают софистический характер дискуссии или действий в ней с недопустимыми приемами, тогда как в третьем такой смысловой коннотации нет.

Рассмотрим, в чем же состоит этот нелегитимный ракурс, наличие которого в первом и втором подходах дает основание для негативной оценки. Одновременно нам предстоит выяснить, почему для средневекового подхода к софизмам не приходится говорить о присутствии недопустимых аспектов, играющих решающую роль в остальных трех подходах. Таким образом, сначала мы уточ-

ним, что понимается под софистикой в античной, средневековой и современной традициях, и затем перейдем к вопросу о том, каким образом софистика связана с исследованием аргументации. Фактически предстоит выяснить, можно ли софистикой считать интеллектуальную задачу, т. е. софизм, или она есть тип дискуссии, или же – особая технология процедурного поведения в дискуссии. Одновременно обсудим, допустимо ли эти три «лица» софистики называть одним словом, и если да, то почему.

Ответ на эти вопросы, отстаиваемый здесь, состоит в следующем. Во-первых, софизм как интеллектуальная задача, софистика как тип дискуссии и софистическая роль как разновидность поведения в дискуссии – все эти три понимания сути софистики имеют различные характерные черты, лежащие в основании того, чтобы называть их софистическими. Во-вторых, каждое из выделенных «лиц» софистики обладает собственной миссией, или целью, ради которой применяется, и эти цели различны. В-третьих, нелегитимность, свойственная первому и второму «лицам» софистики, происходит от того, что совокупность приемов и методик, характерная для них, используется для достижения целей, отличных от тех, для достижения которых они предназначены. Наиболее распространенным примером этого «нецелевого» использования является социальный успех.

2. Пример и сценарий софизма

Рассмотрим пример воображаемого диалога¹ между известными античными персонажами Протагором и Эватлом.²

Эватл	Протагор
Оценки	Высказывания
А. Да, это так.	Согласишься ли ты с тем, что <i>Все люди суть ослы</i> ложно?
В. Истинно.	Каково тогда <i>Все люди суть люди</i> ?
С. И это истинно.	А что насчет <i>Все ослы суть ослы</i> ?
Д. Да, согласен.	Согласен ли ты тогда с тем, что <i>Все люди суть ослы или люди истинно</i> ?
Е. Оно ложно.	А как быть с <i>Люди и ослы суть ослы</i> ?
Ф. ???	Теперь оцени <i>Все люди суть ослы или люди и ослы суть ослы!</i>

Пример 1. Ходы расположены справа налево, начиная с Протагора

Если бы такого рода диалог когда-либо имел место, то наиболее вероятно, что он случился бы, когда Эватл только начал свое обучение у Протагора. Будучи начинающим учеником, он мог быть не настолько умелым, чтобы сообразить, что последнее высказывание Протагора можно рассматривать по-

¹ Этот софизм встречается у многих средневековых логиков, например, у Уильяма Шервуда, Ричарда Килвингтона, Жана Буридана, Альберта Саксонского.

² Реконструкцию известного спора между Протагором и Эватлом см., например, в: Лисанюк– Микиртумов 2009, 85–97.

разному, и, соответственно, задача имеет более одного решения. Если высказывание F считать конъюнкцией высказываний D и C, которые оба истинны, то оно истинно. Если же принять, что высказывание F есть дизъюнкция высказываний A и E, а каждое из них ложно, то и высказывание F ложно.

После того, как Эватл затруднился с ответом, Протагор мог бы растолковать решение своему ученику. В такой версии пример-софизм выступает в роли логической задачи, т. е. имеет место подход 3, и оснований для возникновения негативной оценки не возникает.

Другой – также воображаемый – сценарий этого же диалога таков. Протагор, движимый соображениями то ли обоснования своего учения, то ли самоутверждения, то ли заработка, задает эту нехитрую задачку всем, кто согласен позабавиться, а если его визави замешкался с ответом, подвергает последнего насмешкам. Иными словами, второй сценарий состоит в том, что Протагор использует логическую задачу не для обучения, но в иных целях, в результате чего ведет себя *софистически* в смысле 2, что открывает возможность для негативной оценки 4.

Таким образом, софизм можно рассматривать как задачу, т. е. дидактический прием, а можно как социальную технологию, сценарий которой позволяет знающему решение использовать свое знание в целях убеждения для достижения успеха.

3. Античное «лицо» софистики

В роли задачи, для решения которой требуются интеллектуальные усилия и особые знания, софизм зарождается в среде античных мыслителей (Месяц 2012, 323–339). Однако появление софистики и софистов в античности тесно связано с изучением канонических произведений дискуссий. Подводя итог своим исследованиям в данной области, Аристотель пишет, что, несмотря на то, что об искусстве дискуссий много было сказано и до него, в разработке учения о строгих умозаключениях он стал пионером. При этом Стагирит разграничивает логику, или учение об умозаключениях, риторику, или искусство красноречия или искусство говорить речи, диалектику, или искусство испытывания, которое есть также и «умение выслушивать чужие доводы, и, защищая свои доводы, таким же образом отстаивать тезис при помощи как можно более правдоподобных посылок» (Аристотель, *О софистических опровержениях* 34, 183b5). Таким образом, сначала он отличает науку о рассуждениях от искусств речи, затем в области искусств речи отграничивает риторику от диалектики, после чего указывает на общие и отличительные черты диалектики и софистики. Для софистики существенным Аристотель видит то, что она есть «мнимая мудрость, а не действительная», потому для софистов «важно скорее казаться исполняющими дело мудрого, чем действительно исполнить его» (Аристотель, *О софистических опровержениях* 1, 165a20–25). Тем самым выделяются три существенные области знания: наука (логика), искусство (диалектика и риторика), и некая социальная практика, опи-

рающаяся на результаты первых двух. Существенным здесь оказывается то обстоятельство, что в отличие от наук вообще и логики как науки, в частности, ни диалектика, ни риторика науками не являются. Ни диалектика, ни риторика не производят знания о чем-либо, а, напротив, на основе других наук, включая логику, формулируют приемы и методы ведения беседы, участия в вопросно-ответной беседе-диалоге, составления эффективной речи, судебной, публичной или иной. В этом смысле риторика и диалектика, не будучи науками, представляют собой искусства, обучение которым сродни обучению ремеслу. Софистика же, не будучи ни наукой, ни искусством, есть применение указанных знаний и искусств определенным – неправильным, по мнению Аристотеля, – образом, а именно, «ради спора и желания одолеть» (Аристотель, *О софистических опровержениях* 3, 165b13).

Источниками сведений о софистике и софистах являются Платон, Аристотель, Секст Эмпирик, Диоген Лаэртий, Авл Геллий, философы неоплатоники и многие другие античные авторы. Термин «софист» (σοφιστής) и его производные появились во второй половине V в. – первой половине IV в. до н. э., и первоначально обозначали социальную и профессиональную группу людей, считавшихся интеллектуалами и пользовавшихся по этой причине особым уважением в греческом обществе (Платон, *Софист* 216d). Областью деятельности софистов были не только науки – философия, грамматика, логика, но также и обучение этим знаниям юношества с целью воспитания его в духе благочестия *arête* (Йегер 1997, 116). Софисты, занимаясь наукой, обучением и воспитанием, тем самым создавали новое знание, формировали на его основе умения и навыки, чтобы затем преподавать их молодежи, а в процессе этого наставляли юношей в добродетелях, поэтому были в одном лице и учеными, и учителями, и воспитателями (Афонасин 2009, 34). Искусство красноречия (риторика) и ведения беседы (диалектика) было частью этих навыков, а добродетель использовать полученные знания и умения во благо – фундаментом благочестия, в целом. Высокий социальный статус софистов в обществе объяснялся «необычайным превосходством слова над другими орудиями власти», характерном для греческого полиса (Вернан 1988, 68). Такая цена слова и, следовательно, искусства владения им, сыграла с софистами, учителями мудрости, «злую шутку». Утратив сакральный смысл, а с ним и притязания на то, чтобы быть единственным выражением истины, слово и речь становятся предметом спора на публике и для публики, превращаясь в состязание. В таком ракурсе знание, ведущее к истине, теряет свое значение как источника искусств и умений и делается излишним, выпячивая в структуре благочестия роль практического овладения приемами словесных баталий. «Натаскивание» вместо обучения и воспитания – такой вердикт выносит софистам Аристотель.

Иными причинами негативного отношения к софистам движим Платон. В диалоге *Софист* (224d–e, 226 a) устами Сократа софисты уподобляются сведущим в словопрениях охотникам за богатыми юношами, а софистика – торговле рассуждениями и знаниями. Главной же целью софистов, по мнению

Платона, становится не столько нажива, сколько введение юношества в заблуждение путем распространения ложного знания, т. к. «софист очищает душу не для истинного, но для мнимого знания, создавая призрачные подобию этого знания, но не истинные отображения» (232a–236c, пер. С. А. Ананьина). Учение софистов, против которого выступает Платон, – это проект релятивизации философского знания, выдвинутый Протагором (*Теэтет* 152a). В соответствии с этой идеей, раз необходимое знание, объект интеллектуальных устремлений Платона, вряд ли достижимо, стало быть, разумно ограничиться поиском оснований для правдоподобного знания, или мнения, с тем, чтобы суметь отстоять свою позицию в споре перед лицом собеседника, имеющего иное мнение по тому же вопросу:

Он первый заявил, что о всяком предмете можно сказать двояко и противоположным образом, и сам первый стал пользоваться в спорах доводами. Одно сочинение он начал так: «Человек есть мера всем вещам – существованию существующих и несуществованию несуществующих». Еще он говорит, что душа есть чувства и больше ничего (это подтверждает и Платон в *Теэтете*) и что все на свете истинно. А другое сочинение он начинает следующим образом: «О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их, потому что слишком многое препятствует такому знанию, – и вопрос темен, и людская жизнь коротка» (Диоген Лаэртий, IX 51–52, пер. М. Л. Гаспарова).

Таким образом, Протагорову идею релятивизации знания можно рассматривать как проект, конкурирующий с философией Платона, и в гносеологическом, и в методологическом плане. Знаменитый тезис Протагора о человеке как мере всех вещей впоследствии стали рассматривать в русле антропологического поворота в древнегреческой философии.

Источником негативной оценки софистики как деятельности софистов стали их ближайшие коллеги философы, в стане которых, как видим, единой позиции в отношении софистов не было. Если для Платона софисты становятся, прежде всего, теоретическими оппонентами, то для Аристотеля – противостоящей профессиональной группой, занимающейся небезупречными в этическом плане социальными проектами. Именно об этих двух ключевых претензиях – платоновской, или интеллектуальной, и аристотелевской, или моральной, – сообщает «летописец» древнегреческой философии Диоген Лаэртий. Данными двумя претензиями к софистам, однако, дело не ограничивается.

В чем сторонники Платона и Аристотеля были согласны, так это в том, что порицания заслуживает неверное применение софистами искусства красноречия, квинтэссенцией которого выступает знаменитый сократовский, или диалектический метод. Создание его приписывают Сократу, т. е. тому, кого многие современники сочли бы софистом. Суть этого метода состоит в том, что путем надлежащей постановки диалектических вопросов, требующих ответа «да» или «нет», в ходе беседы можно исследовать сложные теоретические проблемы (см., например, Аристотель, *Метафизика* XIII, 4). Из диалогов Платона и сочинений Аристотеля узнаем, что майевтику практиковали одинаково успешно и софисты, и философы, поэтому намерения софистов, коллег по профессиональному цеху,

направить данное орудие на неверную, как считали философы, цель вызывает столь ревностный отпор. Показательно, что Протагор был, по-видимому, первым, кто ввел прагматические разграничения речевых намерений в связи с разновидностями речевых взаимодействий (диалогов).

Обвинение в неправильном применении софистами сократического метода, или майевтики, состояло в том, что последние научились использовать этот метод не с целью познания, а как средство достижения превосходства над собеседником, хитроумной постановкой вопросов запутывая и загоняя последнего в тупик. Тем самым мощное орудие познания, считали философы, оказалось нацелено не на поиск истины, для чего оно первоначально было предназначено, но на субъективные мнения участников дискуссии.

Рассмотрим подробнее, в чем же состоит софистика как неправомерное применение искусств речи. В главах 1–4 первой книги *Топики* и примыкающем к ней трактате *О софистических опровержениях* (главы 1–3) Аристотель детализирует, какого рода доводы свойственны диалектике, каковы разновидности силлогизмов, характерные для логики (аналитики), диалектики, риторики и эристики (Аристотель, *Топика* I, 1, 100b25–30, *О софистических опровержениях* 2 165b5–10 и др.). Сопоставим эти рассуждения Стагирита в таблице.

	<i>Логика</i>	<i>Диалектика</i>	<i>Риторика</i>	<i>Софистика</i>
<i>Цель</i>	Суждение и умозаключение об истине	Убеждение, обучение оппонента	Убеждение (рационального) судьбы	Убеждение \ заблуждение любой аудитории
<i>Предмет</i>	Общие (первые) положения	Общие (первые) положения	Конкретные вопросы	Общие (первые) положения, конкретные вопросы
<i>Способ</i>	Полноценный силлогизм	Полноценный силлогизм	Энтимема, пример (наведение)	Силлогизм, энтимема, пример, софистические уловки
<i>Правила</i>	Корректные, сохраняющие истинность от посылок к заключению	Корректные, могут применяться к правдоподобным посылкам	Допустимые для аудитории, эффективные для ратора	Любые
<i>Форма</i>	Умозаключение	Вопрос, ответ	Цельная речь, дискурс	Вопрос, ответ, цельная речь, дискурс

Таблица 1. Аристотель о целях и задачах логики (аналитики), диалектики, риторики и софистики

Аристотель обращает специальное внимание на то, что у софистов имеются свои цели применять искусство красноречия таким – софистическим – спосо-

бом. Этот способ состоит в том, чтобы словесно принудить собеседника к нарушению установленных процедурных правил рассуждений и проведения беседы. Софист ведет себя так, будто позиция собеседника отвергнута, или же последний лжет или говорит чушь, а то и вовсе все время повторяет один и тот же довод. Соответственно, Стагирит насчитывает пять целей софистов в споре: «опровержение, ложное, несогласующееся с общепринятым, погрешность в речи, ...принуждение собеседника к пустословию, т. е. частому повторению одного и того же» (Аристотель, *О софистических опровержениях* 3, 165b14–16).

Предположим, Протагор использовал бы софизм из *Примера 1* так, как говорится в крайнем правом столбце *Таблицы 1*, что означало бы следующее. Сложное для понимания высказывание F было бы употреблено Протагором в беседе с Эватлом (или речи перед лицом последнего) с тем, чтобы если Эватл решит, что F истинно, Протагор бы показал, что оно ложно, и наоборот. Тем самым, при помощи софизма, используемого как довод, Протагор попытался бы убедить Эватла, что раз он, Эватл, не умеет отличить истину от лжи, то ему надлежит обучиться этому, оплатив за учебу Протагору. Кроме этого, Протагор мог бы, опираясь на то обстоятельство, что разобраться, где истина, а где – ложь, затруднительно, приступить к продвижению своего учения и «завербовать» Эватла в свои сторонники. Аналогичным образом, вооружившись нерешенным софизмом как аргументом, Протагор мог бы предложить Эватлу считать его, Протагора, известным мудрецом, способным разрешать трудные задачи как никто другой. Можно предложить много версий сценария, когда Протагор опирается на софизм, нерешенный Эватлом, как на довод с целью убедить последнего в чем-либо, помимо собственно решения софизма. Важно, что софизм выступает в роли аргумента, а не сам по себе, причем аргумента с целью достижения социального успеха. В том, что софизм используют как аргумент и заключается корень обвинения в неправильном использовании искусства красноречия, выдвигаемого философами софистам.

4. Софизмы в Средние века

Средневековая традиция, связанная с софизмом и софистикой, существенно отличается от античной. Во-первых, среди средневековых мыслителей не было социальной или профессиональной группы, которая походила бы на древнегреческих софистов. Социальный уклад средневековья кардинальным образом отличается от античного. Слово и искусство владения им приобретают сакральное значение в контексте христианского вероучения, а практика публичных диспутов утрачивает свое социально-политическое значение и сохраняется лишь применительно к интеллектуальной деятельности, трансформируясь в важный элемент учебно-научной жизни. Занятия наукой и обучение юношества в Средние века остаются, как и в античности, прерогативой узкой группы интеллектуалов, однако теперь эта группа носит «цеховой» характер, она духовно институализирована церковью в монашеские ордена, и организационно

закреплена сначала в школе, преимущественно также связанной с церковью, затем, начиная с XII в. – в университете, и за пределами этих институтов не существует (Лисанюк 2006, 212–213). В значительной мере организация науки и образования в Средние века наследует традиции, заложенные Платоном и Аристотелем как основателями первых школ – прообразов учебно-научных «цехов». Античные софисты по своей профессиональной сути, выражаясь современным языком, скорее были фрилансерами, поэтому в контексте средневекового социального ландшафта им места не нашлось.

Во-вторых, средневековый софизм – это высказывание или несколько высказываний, представляющие собой задачу, и предназначенные для проверки истинности правила, синтаксической или семантической дистинкции (различения) первоначально в логике или в грамматике, затем и в других областях знания (см. *Софизмы* Буридана, Scott 1977, 14). Средневековый софизм не предназначен для убеждения, он не используется ни как аргумент, ни как инструмент аргументации. В роли «трудной задачки» средневековый софизм продолжает традицию, заложенную античными мыслителями, т. е. ту первоначальную традицию, которая впоследствии была превращена античными же софистами в инструмент профессиональной деятельности. Для западноевропейских схоластов софизм выступал предметом обсуждения или диспута, а из традиции проведения диспутов по софизмам вырастает жанр «вопросов» *quaestiones* – одна из форм средневекового научного трактата. В-третьих, негативной оценки за термином «софизм» и его производными схоласты не усматривали.

Высказывание считалось софизмом, если оно характеризуется одной из следующих особенностей (Pironet– Spruyt 2011a):

- а) оно странное само по себе или имеет странные следствия;
- б) оно двусмысленно и может быть как истинным, так и ложным в зависимости от его интерпретации;
- в) хотя и вполне обыкновенное само по себе (т. е. ни *a*, ни *b* не имеют места), оно превращается в неясное, будучи употреблено в определенном контексте.

Софизм из *Примера 1* относится к типу *б*, к типу *a* – известный античный софизм «Этот пес – твой отец». Высказывание «Сократ говорит ложь», при условии, что Сократ не говорит ничего, кроме предложения «Сократ говорит ложь», – это пример софизма типа *в* (Журавлева–Лисанюк 2013).

Решение софизма состояло из трех этапов. На первом следует уточнить смысл высказывания-софизма, в случае двусмысленности, внести разграничения смысловых значений, выяснить, имеются ли у высказывания несовместимые следствия, и определить наличие или отсутствие контекста (казуса). Последнее важно для того, чтобы отличить софизмы типа *в* от остальных. Далее, на втором этапе, требовалось рассмотреть доводы в пользу различных решений софизма и дать собственное решение, после чего на третьем этапе отвергнуть доводы в поддержку других решений (Pironet– Spruyt 2011b).

Анализ и обсуждение софизмов считались неотъемлемой частью средневековой «современной логики», или «логики современных» (*logica modernorum*),

выступая одновременно и как разновидность исследовательской задачи, и как своеобразный педагогический метод. Для схоластов найти решение софизма означало провести детальное междисциплинарное исследование не только в той области знания, к которой относится содержание софизма, но также и в сфере языкознания – чтобы уточнить смысл высказывания-софизма, логики – дабы выявить его логическое значение и следствия, философии – с целью уточнить онтологические основания выдвигаемых решений. В позднесредневековый период сформировался особый жанр научного трактата – сборник софизмов (*sophismata*). Такие трактаты представляли собой подборки софизмов с решениями и обстоятельным обсуждением каждого этапа решения. Зародившись в логике и грамматике, традиция диспутов по софизмам постепенно находила более широкое применение как в научном аспекте, перетекая в область естественных наук, так и в социальном, сделавшись основной формой проведения публичных диспутов «на паперти» (*in parvis*).

Таким образом, средневековый софизм как учебно-научный метод уходит корнями в античные традиции обучения и философствования, заложенные Аристотелем и Платоном. Распространенные в интеллектуальной среде Средних веков диспуты по софизмам по духу близки диалектическим беседам, отличаясь от последних по форме проведения. Вместе с тем, схоластам были чужды практикуемые античными софистами технологии использования софизмов в целях убеждения или аргументации, а также процедура особого софистического спора-состязания, в котором одна сторона стремится победить другую при помощи софизма-загадки. Диспуты вообще, и диспуты по софизмам, в частности, в позднем средневековье были институализированы в структуре университетского образования таким образом, что участие в них было обязанностью университетских преподавателей и выступало одной из ступеней, ведущих к получению звания бакалавра и магистра. Для средневекового мыслителя отстоять в диспуте свое решение софизма против решения оппонента означало, в большинстве случаев, одержать интеллектуальную победу ради нее самой. Софизмы в Средние века использовались и в качестве элемента процедуры, ведущей к изменению социального статуса (Лисанюк 2006). В силу этого, средневековое «лицо» софистики характеризуется эпистемологическим подходом 3, и не связано с коммуникативным 1, процедурным 2 и оценочным 4 подходами. Отсутствие социальных предпосылок для подходов 1 и 2 делает невозможным возникновение 4.

5. Три подхода к аргументации

Как видим, для античного и средневекового «лиц» софистики наличие определенных социальных аспектов софистической деятельности или использования софизмов или, напротив, их отсутствие выступает необходимой характеристикой для оценки явления в целом. В отличие от этого, современное «лицо» софистики преимущественно оценочно-негативное, часто нелегитимное и почти

всегда недопустимое. Иными словами, сегодня доминирует подход 4. В чем же причина этого? В том, что некоторые нежелательные речевые взаимодействия имеют особые процедурные отличия и поэтому считаются софистическими (подход 1)? Или негативная оценка основана на том, что некоторые приемы в диалоге считаются недопустимыми, или софистическими (подход 2)?

Так или иначе, и софистическая деятельность и софистические приемы в современном понимании тесно связаны с речевыми взаимодействиями, или диалогами, и направлены на достижение каких-либо социальных целей путем речевого воздействия на аудиторию. В силу этого оказывается, что современная софистика соприкасается с аргументацией, представляя собой негативную сторону последней.

Аргументацию можно понимать в узком и в широком смысле. Согласно широкому пониманию, аргументация – это речевая коммуникация двух участников (агентов), эффективно пользующихся одним естественным языком, где хотя бы один из них выдвигает свою точку зрения в отношении какого-либо высказывания и отстаивает ее при помощи других высказываний – доводов, и делает это с целью убедить другого агента принять эту точку зрения. В этом смысле, различие между аргументацией как определенной интеллектуальной деятельностью, и дискуссией, в которой она осуществляется, можно пренебречь. Широкое понимание аргументации обозначим (A1). Под (A2) будем подразумевать аргументацию в узком смысле, а именно, собственно интеллектуальную процедуру обоснования одного высказывания через другие, отличные от первого, приемлемость которых не оспаривается. Иными словами, аргументация в широком смысле (A1) подразумевает также и речевую форму реализации, от которой абстрагируется аргументация в узком смысле (A2). В ходе изучения аргументации (A1) важным фактором предстают социальные аспекты поведения агентов, составляющие сложный комплекс в совокупности с лингвистическими, психологическими и иными существенными особенностями. Затруднительность изучения такого междисциплинарного комплекса аргументации (A1) не в последнюю очередь обусловлена выделением предмета и объекта исследования, а также базовых теоретических абстракций, на которых предполагается строить соответствующую теорию. Аргументация (A2) в этом отношении представляется менее проблематичным исследовательским проектом, т. к. основывается на ключевых понятиях и категориях из области логики, присоединяя к ним по мере надобности истолкованные в духе логики элементы риторики, прагматики, лингвистики, когнитивной науки. Недостатком такого исследования выступает его ограниченность жесткими рамками логики, препятствующими изучению особенностей субъективных, психологических и некоторых других рациональных аспектов аргументации. Как видим, эти же факторы составляют достоинство исследования аргументации (A1). Примером изучения аргументации (A1) является неориторический подход Х. Перельмана, а также концепция «радикального аргументативизма» Ж.-К. Анскомба–О. Дюкро (Еемерен 2006, 14–19). К исследованиям (A2) относятся логико-прагматические проекты таких ученых, как Ч. Хэмблин,

Э. Краббе, Д. Вуд, Ш. Рахман и др. (Лисанюк 2011, 37–52), а также логические исследования модифицируемых рассуждений (Зайцев 2008, 446–460). К последним наиболее близок подход (А3), занимающий промежуточное положение между (А2) и (А1).

Эту новую версию представления об аргументации (А3) отличает внесение аспектов убеждения в понимание сути аргументации. Убеждение здесь выступает совокупностью процессов (или процедур) перехода от высказывания или группы высказываний-аргументов с истинным (выделенным) значением, установленным за рамками данной аргументации и не оспариваемой ее сторонами, к тому, чтобы такое же истинное (выделенное) значение приписать высказыванию-тезису аргументации. При этом предполагается, что сам факт существования таких процедур, и их разнообразие и эффективность принимаются любым рациональным агентом. В отличие от (А2), где убеждение неявным образом приравнивается к логически корректным, преимущественно дедуктивным, процедурам, аргументация (А3) подразумевает некоторый, пусть и ограниченный набор процедур убеждения, отличных от дедуктивных, а также интеллектуальное «равноправие» агентов в обладании и пользовании ими. В таком виде аргументация (А3) предстает расширением аргументации (А2) путем допущения существования двух и более агентов убеждения и возможности того, что значения используемых ими аргументов будут не совпадать. Тем самым на базе логического подхода конструируется менее жесткая модель аргументации, ключевым фактором которой мыслится процедурный (Лисанюк 2013, 13–21).

Сопоставление версий понимания аргументации (А3) и (А1) позволяет выявить следующие точки их соприкосновения. Коммуникативные факторы аргументации (А1), носящие социальный характер, выражаются в ряде особенностей социально-зависимых действий в диалоге, как в речевых актах, начало изучению которых было положено Дж. Остином и продолжено Дж. Сёрлем и др., и коммуникативных постулатах их осуществления, традиция исследования которых восходит к Г. П. Грайсу. Помимо этого, использование категорий успешности и эффективности, заимствованных из теории игр, для оценки деятельностных аспектов аргументации (А1), сближает ее с (А3) в том отношении, что ограничивает область исследования аргументации разумностью и рациональностью агентов. На этой основе становится возможным определять эффективность процедуры убеждения не только через субъективные переживания агентов, но также путем соотнесения когнитивных моделей их действий. Примером проекта исследования аргументации в духе (А3) являются прагма-диалектический подход Ф. ван Еемерена и его школы, прагматический подход Д. Уолтона. С некоторыми оговорками сюда же можно отнести подход С. Тулмина, системную модель В. Н. Брюшкина.

Подходы к аргументации		A2	A3	A1
Критерии				
Семантический	Значение аргументов	Истинные	Правдоподобные \ Принимаются агентами	Принимаются агентами
	Тезис	Истинный, выводится из аргументов	Принимается агентами на основе аргументов в ходе оговоренной процедуры	Подразумевается, что принят агентами на основе приемлемых топов \ схем аргументации
Процедурный		Приравнивается к дедуктивной	Перенесение значения с аргументов на тезис	Успешная, эффективная
Прагматический	Намерение убеждать	Нет убеждения (убеждать=вывести)	Убеждение	Убеждение
Речевой	Форма	Интеллектуальная процедура	Речевое взаимодействие	Речевое взаимодействие
Коммуникативный	Агент	Абстрактный \ виртуальный	Рациональные, разумные	Рациональные, разумные

Таблица 2. Подходы к аргументации

Теперь сравним введенные разграничения подходов к аргументации (A1), (A2) и (A3) в *Таблице 2* с систематизацией, представленной в *Таблице 1*. Можно заметить, что широкий подход к аргументации (A1) близок тому, что Аристотель назвал бы риторикой, узкий подход (A2) – к логике, (A3) – к диалектике. Главными основаниями такого вывода являются факт наличия или отсутствия стремления убедить другого, а также характеристика процедуры осуществления такой процедуры, которая в *Табл. 1* представлена в строках о способе и правилах. Обобщая античные и современные разграничения аргументативных рассуждений, повторим ключевые критерии, на основании которых они были проведены:

- семантический (значение высказываний-аргументов и высказывания-тезиса);
- процедурный (отношение между аргументами и тезисом);
- прагматический (наличие цели убеждения другого агента);
- коммуникативный (наличие различных агентов);
- речевой (форма реализации).

Эти критерии взаимосвязаны между собой, причем речевой и коммуникативный подчинены прагматическому: наличие цели убеждения предполагает существование другого агента и речевую форму взаимодействия, однако обратное неверно. Речевая форма рассуждения может быть использована и в иных целях, нежели убеждение, наличие агентов в речевом взаимодействии никак не характеризует его цели.

6. Где же софистика?

Вернемся к *Примеру 1* и предположим, что Эватл считает высказывание F ложным, трактуя его как дизъюнкцию высказываний A и E, тогда как Протагор полагает его истинным и состоящим из конъюнкции D и C. Для каждого из двух участников беседы семантический критерий приравнен к истинностному и двузначному, процедурный совпадает с дедуктивным, цели убеждения отсутствуют, а речевой критерий един для обоих, исходя из обоюдного фактического согласия участвовать в данной беседе. Определить, кто из них прав, невозможно, потому что целью такого взаимодействия выступает выяснение вопроса о дедуктивной обоснованности и истинностном значении высказывания F, а не о правоте кого-либо из участников. Кроме этого, оба участника обладают равноправным и адекватным знанием о сути обсуждаемого вопроса, в равной степени владея знанием того, как определяется семантическое значение высказывания, и каким образом конструируется дедуктивный вывод. Эти два обстоятельства исключают возможность использования софистических приемов (подход 2), а также того, чтобы данная беседа была оценена как софистическая в смысле подхода 1. Таким образом, узкое понимание аргументации (A2) указывает на подход 3, близкий к средневековому, и исключает квалификацию ее в духе подходов 1, 2 и 4.

Нарушим эпистемическое и процедурное равноправие Протагора и Эватла, предположив, что решения задачи Эватл не знает. Поэтому он не может предложить свою, столь же хорошо обоснованную версию ее решения, равно как и оценить корректность решений, сформулированных Протагором. В терминах критериев разграничения аргументативных рассуждений это значит, что у Эватла нет представления о том, как уточнить семантику выдвинутых Протагором высказываний, и ему неведомы процедуры осуществления такого уточнения. Разумеется, цели убеждения Протагора у Эватла тоже нет. Что же остается ему делать в такой ситуации? Ничего другого, кроме как осведомиться о решении у Протагора, а после того, как такое решение будет Протагором озвучено, довериться и решению, и Протагору. Проверить корректность семантического означивания высказываний Эватл может, лишь приняв процедурное решение Протагора, а чтобы проверить корректность этого процедурного решения, ему придется сначала принять Протагорово семантическое означивание высказываний. Так что иного выхода, кроме принятия слов Протагора на веру, у Эватла нет. Дальнейшие возможные сценарии развития событий опи-

саны выше в п. 2. Если Протагор действует одним из указанных способов, он злоупотребляет доверием Эватла, используя это доверие в своих целях, и, стало быть, является софистом в смысле 2 и 4.

Модифицируем прагматический критерий в последнем сценарии *Примера 1* таким образом, что теперь и Протагор, и Эватл преследуют цель убедить своего партнера по диалогу, при этом специфика эпистемического неравноправия сохраняется: решение задачи известно только Протагору. Пусть Протагор желает убедить Эватла в том, что раз тот не умеет отличить истину от лжи, ему надлежит пойти в ученики к Протагору. *Пример 1* имеет два равнодопустимых решения, и не существует адекватных оснований предпочесть одно из них как единственно верное. Эватл же, обнаружив, что у задачи два решения, требует от Протагора, чтобы тот продемонстрировал, какое же из них верно. «Поскольку ты, Протагор, этого сделать не можешь, – заключает Эватл, – значит, ты сам отличить истину от лжи не умеешь, и, стало быть, учиться у тебя мне нечему». В таком сценарии развития событий оба участника используют решение задачи в качестве средства для убеждения другого агента в своей правоте. Иными словами, они не ищут решения вопроса о том, каково значение высказывания F, но для достижения социального превосходства над противником используют сам факт наличия или отсутствия обоснованного ответа. Это и есть софистическое речевое взаимодействие 1, когда главной целью является личная победа в споре.

7. Заключение

Софистический прием (2) и софистическая дискуссия (1) есть преднамеренное злоупотребление доверием и эпистемическим неравноправием агентов, влекущее негативную оценку аргументативного взаимодействия (4). Разнообразный социальный контекст речевого взаимодействия открывает простор для такого злоупотребления. Особенно опасным фактором выступает эпистемическое неравноправие участников речевых взаимодействий (как в нашем приеме). Другими разновидностями фактического неравноправия агентов могут быть социальный или политический статус, а также иные аспекты неравноправия агентов. Презумпции разумности и рациональности агентов служат определенным сдерживающим обстоятельством, позволяющим абстрагироваться от этого неравноправия. Оптимистический вывод данного исследования заключается в том, что имеются только легитимные способы и приемы аргументации, нелегитимных способов *аргументации*, именуемых иногда «черной риторикой», нет. Иными словами, нелегитимный способ убеждения – это симптом манипуляции и давления на собеседника, которые не являются аргументацией. Вместе с тем, средств, достаточных для предотвращения того, чтобы допустимый прием аргументации или процедурно легитимная беседа на проверку оказались софистическими, не существует. В этом состоит пессими-

стический вывод исследования. Эффективность аргументации – это совместная когнитивная задача ее участников.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Асмус, А. Ф., ред. (1976) Аристотель. *Соч. в 4-х томах*. Т.1. Москва: Мысль.
- Афонасин, Е. В. (2009) «Ямвлих в Афинах», *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия: Философия*, 4.1, 26–35.
- Вернан, Ж.-П. (1988) *Происхождение древнегреческой мысли*, пер. с фр., под ред. Ф. Х. Кессиди, А. П. Юшкевича. Москва: Прогресс.
- Герасимова, И. А. (2007) *Введение в теорию и практику аргументации*. Москва: Университетская книга.
- Гаспаров, М. Л., пер. (1986) Диоген Лаэртский. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Москва: Прогресс.
- Еемерен, Ф., ван (2006) *Важнейшие концепции теории аргументации*, пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой. С-Петербург: Филол. ф-т СПбГУ.
- Журавлева, Е. В., Лисанюк, Е. Н. (2014) «Лжет ли лжец Т. Брэдвардина?», *Историко-философский ежегодник' 2013*, в печати.
- Зайцев, Д. В. (2008) «Аргументативные рассуждения и логика», *Миссия интеллектуала в современном обществе*, под ред. Ю. Н. Солонины и др. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ: 446–460.
- Йегер, В. (1997) *Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем)*, пер. с нем. М. Н. Ботвинника. Т. 2. Москва: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина.
- Лисанюк, Е. Н. (2006) «Средневековый диспут», *Логико-философские штудии* 4, 212–228.
- Лисанюк, Е. Н. (2010) «Правила и ошибки аргументации», *Логика*. Учебник под ред. А. И. Мигунова, И. Б. Микиртумова и Б. И. Федорова. Москва: Проспект: 588–658.
- Лисанюк, Е. Н. (2011) «Риторика и формальная диалектика», *Модели рассуждений–4: аргументация и риторика*, под ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во БФУ им. И.Канта: 37–52.
- Лисанюк, Е. Н. (2013) «Когнитивные характеристики агентов аргументации», *Вестник СПбГУ*, 6.1, 13–21.
- Лисанюк, Е. Н., Микиртумов, И. Б. (2009) «Дело “Протагор versus Эватл” принять нельзя отклонить», *Человек познающий, человек созидаящий, человек верующий*, под ред. Ю. Н. Солонины и др. С-Петербург: Изд-во СПбГУ: 85–97.
- Лосев, А. Ф., Асмус, В. Ф., Тахо-Годи, А. А., ред. (1993) Платон, *Собрание соч. в 4-х т.* Т. 2. Москва: Мысль.
- Месяц, С. В. (2012) «Платоновский «Филеб» о едином, многом и среднем». *ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция* 6.2, 323–339.
- Микеладзе, З. Н., ред. (1978) Аристотель. *Соч. в 4-х томах*. Т.2 Москва: Мысль.
- Hughes, G. E. (1982) *John Buridan on Self-Reference. Chapter Eight of Buridan's 'Sophismata'. An Edition and a Translation with an Introduction and a Philosophical Commentary*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Pironet, F., Spruyt, J. (2011a) 'Sophismata', *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, ed. E. Zalta: <http://plato.stanford.edu/entries/sophismata/>.
- Pironet, F., Spruyt, J. (2011b) *Guillaume Heytesbury, Sophismata*: http://ddata.over-blog.com/xxxууу/4/07/38/29/Textes-Philomed/Heytesbury/W_Heytesbury-_Sophismata_Part1.pdf и ([_Part2.pdf](#)).
- Read, S., ed. (1993) *Sophisms in Medieval Logic and Grammar. Acts of the Ninth European Symposium for Medieval Logic and Semantics, St. Andrews, June 1990*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Scott, T. K., ed. (1977) Buridanus Johannes. *Sophismata. A Critical Edition with an Introduction*. Grammatica Speculativa, 1. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog.